

ство, как бывало некогда. В силу этого тезис официальной концепции, противопоставлявший ромея варвару, стал постепенно подвергаться корректировке. Показательно в этом плане развитие отношений с итальянцами.

В империи издавна сложилось несколько презрительное отношение к итальянцам как к торговцам, кабатчикам, морякам. Димитрий Кидонис, критически оценивая эти настроения, писал: «...если кто-то говорил о латинянах, представлялись паруса, весло и то, что суша получает с моря...» (Ibid. P. 364. 3—40). Алексея Макремволита, как и многих представителей народа, возмущало то, что презренные латиняне, допуская непристойности с точки зрения православия в своих богослужениях, богатели за счет византийцев (*Makr. Logos*. 144.12—145.2; 148.19—27).

Лишь немногим из образованных людей империи было дано понять значение культурного подъема, характерного для итальянских городов XIV—XV вв. Реальной оценке мешали как религиозные разногласия, так и привычка считать себя единственными хранителями и истинными почитателями наследия древних авторов. Одним из немногих, кто смог понять значительные преимущества итальянцев в области знания греческой философии, был Димитрий Кидонис. Его политическая позиция определялась во многом увлечением западной культурой.

Занимая пост первого министра императора, Димитрий Кидонис решил в отличие от многих других политических деятелей изучить язык своих постоянных партнеров по различного рода переговорам и столкновениям. Чисто практические цели изучения латинского языка привели его к увлечению трудами западных авторов, и он занялся их переводами⁴⁸. Кидонису неоднократно приходилось бывать в Италии. Осознавая, что препятствием к взаимному пониманию являются прежде всего религиозные вопросы, он много сил потратил на объяснение того, что у византийцев и латинян даже в этой сфере больше общего, нежели различного. Священное писание как источник веры и православных и католиков должно было, по Кидонису, создать «гармонию обеих группировок» (*Cydon. Apol.* P. 367. 49—368. 52—53). Он считал по меньшей мере неразумным, что признание или непризнание филиокве в течение столько долгого времени порождало рознь среди христиан.

Провозглашая необходимость взаимопонимания между ромеями и латинянами, Димитрий Кидонис стремился устранить пропасть между этими народами и убедить соотечественников в их близости к латинянам⁴⁹. Вполне понятно, что позиция «месадзона» не могла не вызвать противодействия, ибо к середине XIV в., как уже упоминалось, доктрина ойкуменизма, несмотря на неудачи империи на всех фронтах, еще продолжала процветать. Под предлогом дурного влияния латинских трудов на молодежь, которая скоро объявит «все отечественное устаревшим» и устремится к иностранному, позиция Димитрия Кидониса стала предметом осуждения в кругах придворных вельмож. Пропагандируемая Кидонисом идея необходимости ближе узнать соседей была объявлена предательской. Он оказался в центре всевозможных пересудов: «Не только в кулуарах, но и вокруг уже говорили, что я злоумышляю против общей веры и стремлюсь опрокинуть установленное» (Ibid. P. 365. 67—69), «я подвергался многим нападениям, не только скрытым, но и явным, и не со стороны случайных людей, сила которых только в том, чтобы сказать дурно, но и тех, кто мог бы ощутимо навредить и лично, и через друзей, и с помощью влиятельных при дворе лиц» (Ibid. P. 387. 79—83). Общественное мнение придворных кругов было сориентировано на поддержание незыблемости прежней политики великодержавности. Только единицы осознавали, что подобное направление в решении международных проблем бесперспективно и, более того, опасно.

Несмотря на то что в позиции Димитрия Кидониса можно усмотреть ряд положительных моментов с точки зрения развития политического сознания, в целом она была лишь вариантом латинофильства. Собственно говоря, с Димитрия Кидониса и начала оформляться в палеологовской Византии эта группировка, стремившаяся получить для империи помощь со стороны западных государств. Подобного рода ориентация не была новым явлением в политической жизни страны. Начиная с 1054 г., когда христианская церковь оказалась разделенной на

⁴⁸ *Rackl M.* Die griechische Übersetzung der Summa theologiae des hl. Thomas von Aquin // *BZ*. 1923—1924. Bd. 24, H. 1—2. S. 48—60; *Kianka F.* Demetrius Cydones and Thomas Aquinas // *Byz*. 1982. T. 52. P. 265—286.

⁴⁹ Поляковская М. А. Общественно-политическая мысль Византии (40—60-е годы XIV в.) Свердловск, 1981. С. 65—69.